

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (19)

2017

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

- Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).*
На стыке двух тысячелетий (Марийской археологической экспедиции 60 лет)..... 8
- Житенев В.С. (Москва, Россия).*
Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере (Южный Урал)..... 18
- Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).*
Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan)..... 26
- Выборнов А.А. (Самара, Россия).*
Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья 38
- Чижевский А.А., Шпилов А.В. (Казань, Россия),
Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия).*
Итоги исследования Каентубинской Островной стоянки в 2004 году 50
- Королев А.И., Шалапинин А.А. (Самара, Россия).*
Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье..... 71
- Патрушев В.С. (Казань, Россия).*
«Текстильная» керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы)..... 92
- Савельев Н.С. (Уфа, Россия).*
О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э..... 114
- Иванов В.А. (Уфа, Россия).*
Памятники эпохи раннего железного века - средневековья Южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь)..... 130
- Лукпанова Я.А. (Уральск, Казахстан).*
Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога..... 145
- Алтынбеков К., Досаева Д.К. (Астана, Казахстан).*
Опыт реконструкции «археологического» костюма..... 157
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).*
Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II 172
- Вихляев В.И. (Саранск, Россия).*
Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры ... 205

<i>Красноперов А.А., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).</i> Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. н. э.	216
<i>Голдина Е.В., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).</i> Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование	238
<i>Останина Т.И. (Ижевск, Россия).</i> Наборные пояса из Кузубаевского клада VII века	257
<i>Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Работы Марийской археологической экспедиции по изучению средневековых древностей Поветлужья	272
<i>Белавин А.М., Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия).</i> Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв.	284
<i>Акилбаев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Смена инвентаря в погребениях середины XI–XIII веков могильников Нижнего Поветлужья	298
<i>Михеев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> К методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МарАЭ)	311
<i>Кузьминых С.В. (Москва, Россия),</i> Марийская археологическая экспедиция: люди и судьбы	327

Критика и библиография

<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).</i> Рецензия на монографию: Мордовские племена накануне великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV Вв.): монография / В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, О.В. Седышев, А.Н. Сомкина; Мордов.гос. пед. ин-т. . Саранск, 2016. 195 с.	339
---	-----

Хроника

<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия).</i> Научная конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации»	347
<i>Никитина Т.Б., Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> О работе межрегиональной научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия»	357
Список сокращений	360
Правила для авторов	363

CONTENTS

Researches and Publications

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
On the Turn of Two Millennia
(60 Years of the Mari Archaeological Expedition) 8

Zhitenev V.S. (Moscow, Russian Federation).
New Evidence of Serpentine Raw Material Exploitation
in the Kapova Cave (The Southern Urals) 18

Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).
Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites
of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum
of Tatarstan Republic, Kazan). 26

Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).
Controversial Questions of the Early Neolithic Studies
in the Mari Volga Region..... 38

*Chizhevsky A.A., Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation),
Kaplenko N.M. (N. Chelny, Russian Federation).*
Study Results on Kaen-Tube Island Site in 2004 50

Korolyov A.I., Shalapinin A.A. (Samara, Russian Federation).
Lebyazhinka VI Settlement: Eneolithic Site in the Forest-Steppe Volga Region 71

Patrushev V.S. (Kazan, Russian Federation).
“Textile” Ceramics of Mari Volga (by the Materials of Excavations
on the Bronze Age Settlements) 92

Savelev N.S. (Ufa, Russian Federation).
On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures
in the Urals in the Ist Millennium BC 114

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation).
Early Iron Age and Medieval Sites in the Southern Ural Region:
Context of Sources (Forest and Forest-Steppe)..... 130

Lukpanova Ya.A. (Ural'sk, Kazakhstan).
Reconstruction of Female Costume From the Elite Burial Ground
Taksay-I: a View of the Archaeologist 145

Altynbekov K., Dosayeva D. (Astana, Kazakhstan).
Experience of a Reconstruction of "Archaeological" Costume..... 157

Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).
Chronology of 3rd–5th Centuries Male Graves
from the Tarasovo Burial Ground..... 172

Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation).
Mordovian Cemeteries of 3rd–5th Centuries and the Unity
of Their Early Culture..... 205

<i>Krasnopeorov A.A., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Female Headdress from Dubrovskiy Burial Ground of 4 th –5 th Centuries	216
<i>Goldina E.V., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Beads of the Dubrovskiy Burial Ground (4 th –5 th Centuries A.D.) in the Middle Kama Region: Classification and Use.....	238
<i>Ostanina T.I. (Izhevsk, Russian Federation).</i> The Seventh Century Composite Belts from Kuzebaev Hoard	257
<i>Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Progress of Mari Archaeological Expedition in Study of Medieval Antiquities of Vetluga Region	272
<i>Belavin A.M., Krylasova N.B. (Perm, Russian Federation).</i> Ancient Russian Materials in the Perm Cis-Urals During the 10 th –11 th Centuries	284
<i>Akilbaev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Change of Grave Goods in the Middle 11 th –13 th Centuries in the Burial Grounds in the Lower Vetluga Area	298
<i>Mikheev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Delineating Sites of Archaeological Heritage: Methodology Based on Endeavours of the Mari Archaeological Expedition	311
<i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Mari Archaeological Expedition: People and Destinies	327

Critics and Bibliography

<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).</i> Review of the Monograph: Mordvinia's Tribes on the Eve of the Great Migration (Ust-Uzinsky Burial 3 rd –4 th Cent.): Monograph / V.V. Grishakov, S.D. Davidov, O.V. Syedyshev, A.N. Somkina. Saransk, 2016. 195 P.....	339
--	-----

Chronicle

<i>Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation),</i> <i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Scientific Conference 'Ananyino World: Cultural Space, Connections, Traditions and Innovations'	347
<i>Nikitina T.B., Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> On Proceedings of the Inter-Regional Scientific Conference on Conservation and Popularization of Archaeological Heritage	357
List of Abbreviations.....	360
Submissions	363

УДК 902(470.51)“2/4”(045)

ХРОНОЛОГИЯ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ III–V ВВ. ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА. ЧАСТЬ II¹

© 2017 г. Р.Д. Голдина, В.А. Бернц

Статья посвящена хронологии мужских захоронений поздней, мазунинской стадии Тарасовского могильника на Средней Каме и является продолжением работы по датировке ранней ныргындинской стадии (I–II вв.) этого памятника. Были использованы три основных метода исследования: формально-типологический, культурной стратиграфии и метод аналогий. Авторами проанализированы 86 мужских захоронений III–V вв. В результате было выделено 12 хронологических групп: 1-й половины III в. н.э. (группа 1); 2-й половины III в. (2); III в. (3); 1-й половины IV в. (4); 2-й половины III–IV в. (группа 5); 3-й четверти IV в. (6); 4-й четверти IV в. (7); 2-й половины IV в. (8); 2-й половины IV–V в. (9); IV–V вв. (10); 2-й половины III–V в. (11) и III–V вв. (12). В данной статье рассматриваются последние 6 групп, первые группы были проанализированы в предыдущей публикации. Анализ материалов выявляет несколько волн миграций на Нижнюю и Среднюю Каму и прилегающее Поволжье военизированных инокультурных групп во второй половине III–IV вв., истоки, характер и значение которых еще предстоит выяснить. Материалы женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника будут исследованы отдельно.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, I–V вв., Тарасовский могильник, культурная стратиграфия, хронология, мазунинская стадия, чегандинская культура, пьяноборская культурно-историческая общность, миграции.

Группа 7 немногочисленна, но очень выразительна. К ней отнесены 8 могил: 1784, 1772, 1850, 1787, 1777А, Б, 660, 1811, 1803. В состав группы входят овальные рамчатые пряжки с утолщением в передней части, с язычком, не выходящим за рамку и уступом у его основания (рис. 10: 84; 7 экз.), а также трехсоставные пряжки с короткой овальной пластиной и гладким нависающим язычком (рис. 10: 85; 2 экз.). Первые могут быть сопоставимы с группой 1 могильника Паласа-Сырт в Прикаспийском Дагестане, датированной М.Ю. Малашевым от второй четверти до конца IV столетия (Малашев и др., 2015, с.

99, рис. 203). Аналогии последним пряжкам имеются в материалах погребения 1 кургана VII Тураевского могильника (Генинг, 1976, рис. 32: 4), а В.Ю. Малашев находит типологическое сходство их с некоторыми позднесарматскими экземплярами второй половины IV в. (Малашев, 2000, с. 204).

Своеобразие группе придает оригинальная поясная гарнитура – пряжки и наконечники ремней, – украшенные в полихромном стиле: вставками из стекла и сердолика, позолотой, зернью и сканью (рис. 10: 87, 88). По общему облику эти пряжки и наконечники относятся ко второй половине

¹ Первая часть работы опубликована в журнале "Поволжская археология" 2016 № 3(17), с. 17–58. Нумерация рисунков сплошная: в части I помещены рисунки 1–9.

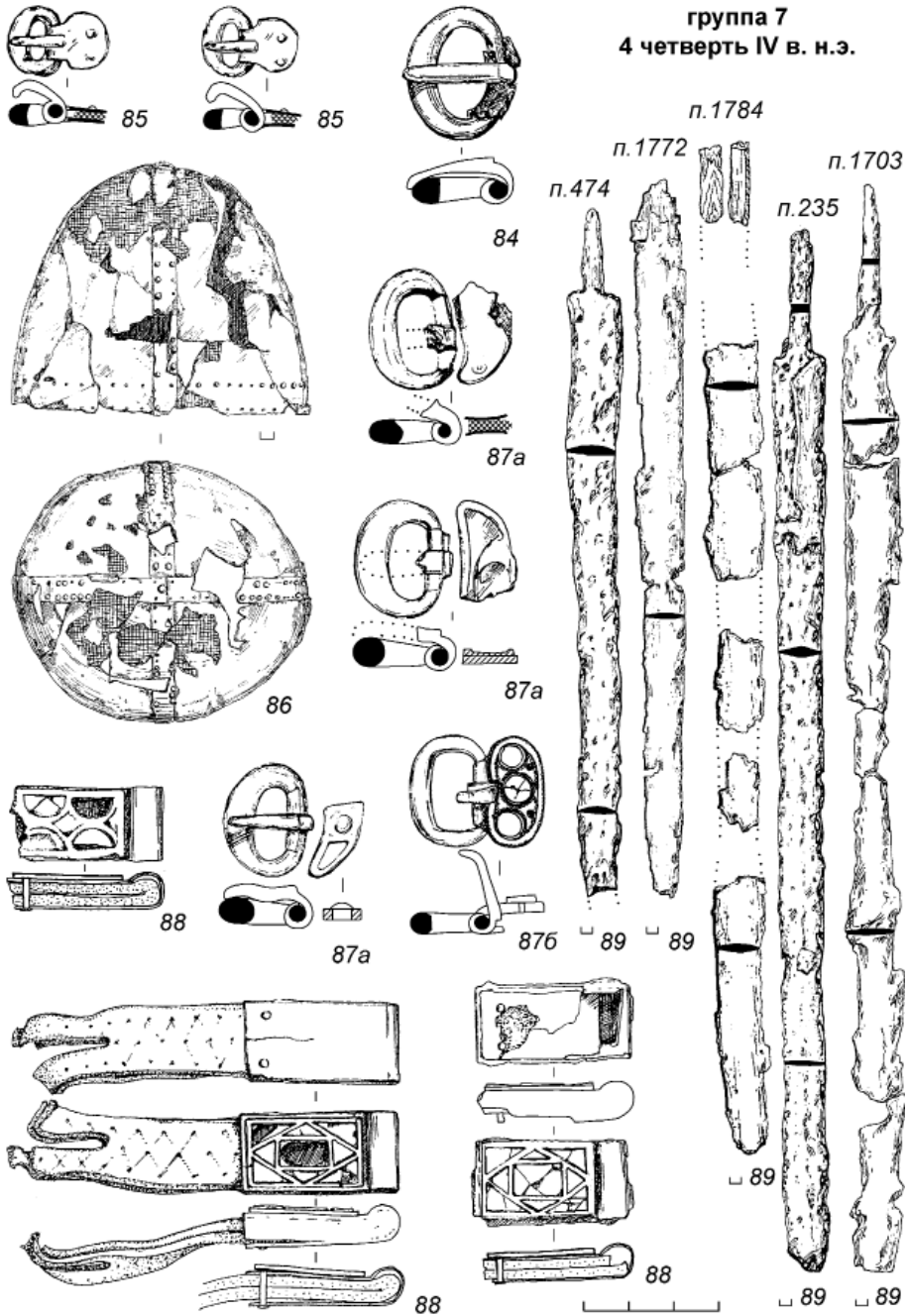

Рис. 10. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 7 (четвертая четверть IV в. н.э.). 84, 85, 87а, 87б – пряжки; 86 – шлем; 88 – наконечники поясов; 89 – мечи. 84, 85, 87а – бронза, иногда кожа; 86 – железо, медь, серебро, золото; 87б – бронза, золото, сердолик; 88 – бронза, золото, сердолик, стекло; 89 – железо.

Fig. 10. Tarasovo burial ground. Goods from male burials, group 7 (last quarter of the 4th century AD). 84, 85, 87a, 87b – buckles; 86 – helmet; 88 – belt tips; 89 – swords. 84, 85, 87a – bronze or, sometimes, leather; 86 – iron, copper, silver, gold; 87b – bronze, gold, carnelian; 88 – bronze, gold, carnelian, glass; 89 – iron.

IV – началу V в. Однако эти предметы демонстрируют разные полихромные стили. Пряжки (рис. 10: 87а; 3 экз.) и наконечники ремней варианта (рис. 10: 88; 3 экз.) имеют явные признаки вырождающегося стиля – клуазонне, – когда вся поверхность изделия была покрыта фигурными пластинками полудрагоценных камней, разделенными перегородками. Эта техника, возникнув в II в. н.э. в Западном Закавказье и Иране (Бажан, Щукин, 1990, с. 83–96), продолжала использоваться и позже (Средняя Азия, Закавказье, европейские степи, вторая половина IV в.). В.Ю. Малашев отметил, что до III в. для украшения предметов в технике клуазонне использовались, главным образом, бирюза и стекло голубых, зеленоватых, серых и белых тонов, дополняемых красного оттенка гранатами, сердоликами, кораллами и стеклом. С середины III в. для вставок стали использоваться преимущественно гранаты и сердолики (Малашев, Яблонский, 2008, с. 69–71). Подобно Тарасовским находкам в стиле клуазонне украшены бронзовая пряжка с позолотой, вставками из красного камня (?) и темно-синего стекла и два наконечника ремней из погребения 1а кургана VII Тураевского могильника. По мнению В.Ф. Генинга, эти изделия имели причерноморское происхождение (1967, рис. 32: 6, 7, с. 105, 108).

Вариант пряжки из погребения 1850 (рис. 10: 87б) украшен иначе. Почковидная пластина бронзовой пряжки покрыта золотой пластиной с тремя сердоликовыми вставками и поясками зерни. Похожий экземпляр происходит из погребения 1 кургана 25 Бродовского могильника конца IV в. (Голдина Р.Д., 1991, рис. 1: 16).

Шлем из могилы 1784 (рис. 10: 86) имел цельнокованную железную тулью, полностью покрытую сверху серебряной фольгой. Он украшен двумя тонкими золотыми перекрещивающимися на верхушке полосами, закрепленными двумя рядами медных заклепок с крупными шляпками. Тулью подстилал кожаный подшлемник, края которого были загнуты и закреплены с внешней стороны двойным рядом медных заклепок. У шлема нет ни наносника, ни наушей, но существовала, вероятно, кольчужная бармица, пришитая к кожаной подкладке. А.П. Зыков датирует этот шлем концом IV–V вв. (Зыков, Ковригин, 2008, с. 72). По оценке М.М. Казанского, все 3 шлема из могил 1784, 1685 и 6 датируются первой половиной IV в. или периодом С3 европейской варварской хронологии (300/320 – 350–370 гг.) (Казанский, 2014, с.318).

Нам представляется, что шлем из могилы 1784 типологически существенно отличается от шлема из погребения 6 (группа 2, вторая половина III в., рис. 4: 30). В первом случае (погр. 1784) это цельнокованная железная каска, покрытая серебряной фольгой, украшенная узкими полосами из золота, во втором случае (погр. 6) – шлем склепан из 6 пластин с наносником и нащечниками. Очевидно, разница во внешнем виде и конструкции определены не только разным происхождением, но и временем использования.

Наиболее близок к шлему из погребения 1784 Тарасово экземпляр из могилы 1а кургана 7 Тураевского могильника (Генинг, 1976, рис. 31: 1, с. 108). Это оголовье, как и все Тураевские курганы, М.М. Казанский сопоставляет с находками из Муслумо-

во, Брюхановский выселок, Утамыш и датирует второй половиной IV в. (2014, с. 318).

В погребении 1784 обнаружены остатки кольчуги в свернутом состоянии (в корреляцию не вошла). Кольца ее имели диаметр до 15 мм, толщину до 3 мм круглого сечения. Плетение обычное: каждое кольцо переплетено с четырьмя соседними и скреплено клепкой. Покрой не восстанавливается. По данным А.П. Зыкова, в погребениях азелинско-тураевского типа найдены остатки 11 полных кольчужных доспехов, весом 13–16 кг. Все эти предметы были импортными, но место их производства определить невозможно (Зыков, Ковригин, 2008, с. 71). В могиле 1850 найдена также заготовка из латуни в виде округлого стержня длиной 23 и диаметром 1 см (в корреляцию не вошла; Голдина Р.Д., 2003, табл. 694: 4). Составляющие компоненты металла: медь (83,5%), цинк (10,6%) и свинец (2,75%) (Первошиков, Сабирова, 2014, рис. 5).

В целом предметы группы 7 по аналогиям датируются последней четвертью IV – началом V в. Более предпочтительна дата – последняя четверть IV в. Это в известной мере оправдано наблюдениями над пряжками могильника Брут 1 в Северной Осетии конца IV – середины V в., сделанными Т.А. Габуевым и О.С. Хохловой. Анализируя пряжки этого памятника и обращая особое внимание на форму и степень изгиба их язычков, авторы пришли к заключению, что эти признаки эволюционируют во времени. Для конца IV и начала V в. хоботковидные язычки пряжек доходят до середины кольца и примыкают к нему. В середине V в. язычки становятся длинными и выступают за коль-

цо (Габуев, Хохлова, 2012, с. 16–25). При этом Т.А. Габуев и О.С. Хохлова ссылаются на поддержку их мнения И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым. На пряжках этой группы Тарасово особенности пряжек могильника Брут 1 не зафиксированы – все язычки наших пряжек не загнуты и не выступают за пределы колец и, таким образом, они не имеют признаков развитого V в.

К датировке последней четвертью IV в. склоняет и оценка изделий в стиле клуазонне. Анализ предметов этого стиля юга Восточной Европы, в особенности Крыма позднеримского времени, выполненный С.А. Безугловым и В.П. Глебовым, показал, что по сопровождающим монетам и характеру вещей, расцвет этого стиля приходится на IV в. без его ранней трети (Безуглов, Глебов, 2002, с. 294–297). Временем от второй четверти до конца IV в. датирует пряжку в стиле клуазонне из кургана 2289 могильника Паласа-Сырт В.Ю. Малашев (2015, с. 99–100). Пряжку, выполненную в подобном варианте из кургана 14 могильника Центральный в Придонье, С.И. Безуглов и В.П. Копылов также датируют IV в. (1989, с. 177–178). Таким образом, для датировки могил мужчин группы 7 Тарасовского могильника более предпочтительна дата – последняя четверть IV в.

В группе 7 обнаружено 5 мечей (погр. 1784, 1772, 1703, 474 и 235). Строго говоря, к этой группе (последняя четверть IV в.) относятся только 2 меча: из могил 1784 и 1772, остальные использовались несколько позже – в начале V в. Два меча (погр. 1784, 474) сильно деформированы, у них достоверна лишь ширина клинка: погр. 1784 – 3,2 и 474 – 5 см. Все пять

клинков имели линзовидное сечение. Сохранившаяся длина меча из могилы 1772 составляла 64 см, ширина его 4,6 см; размеры клинка из захоронения 1703: общая длина – 97 см, клинка – 84, ширина 4,5, длина рукояти 13 см; меча из погребения 235 соответственно – общая длина 93, клинка – 83 и ширина его 4,5 см, длина рукояти 10 см. Остатки деревянных ножен сохранились у экземпляров из могил 1703 и 1772. Меч из захоронения 1772 был откован из высокоуглеродистой (заэвтектоидной) литой стали (Первошиков, Малых, 2014, с. 19). Металлография остальных не известна.

Заключая раздел о группе 7 Тарасовского могильника, хотелось бы подчеркнуть, что именно эта группа наиболее сопоставима по времени с Тураевскими курганами: аналогичны маленькие бронзовые пряжки с овальной пластиной, пряжка и наконечники в стиле клуазонне, округлый посеребренный шлем с золотыми крестообразными пластинами и кольчужной бармицей. Все это дает основания относить появление милитаризованной группы мужчин Тураевских курганов к последней четверти IV в. (гуннское время).

Автор раскопок Тураевских курганов В.Ф. Генинг в первой публикации 1962 г. датировал их III–V вв. (1962, с. 77). В статье 1976 г. он определял общую дату в пределах конца IV – первой половины V в., выделив 3 группы: раннюю – конец IV в., среднюю – начало V в. и позднюю – вторая четверть V в. (Генинг, 1976, с. 107–108). В работе 1995 г. исследователь несколько скорректировал даты групп: ранняя отнесена им к концу IV в., средняя – к концу IV – началу V в. и поздняя – к первой четверти V в. н.э. (Gening,

1995, p. 326). И таким образом, наиболее поздняя его точка зрения: Тураевские курганы датируются концом IV – первой четвертью V в. М.М. Казанский относил памятник ко второй половине IV – самому началу V в. (2002, с. 195), позже он, сопоставляя их с находками в Муслюмово, Брюхановском выселке, Утамыше, датировал в целом второй половиной IV в. (2014, с. 318). Существуют и иные точки зрения на эту проблему. В свое время А.К. Амброз считал, что Тураевские курганы отложились в конце V – начале VI в. (Амброз, 1971, с. 107).

Признавая в целом справедливость оценки В.Ю. Малашевым приуральских материалов (Броды, Тураево) как весьма своеобразного явления в евразийской археологии, мы находим важным, что он объединяет эти материалы с комплексами Тугозвоново, Муслюмово, Брюханова выселка в одну группу второй половины IV в. Правда, при этом он считает приуральские комплексы более поздними, чем вышеперечисленные (Малашев, 2000, с. 204–205). Но последняя четверть IV в. вполне соответствует хронологическому положению Тураевских курганных комплексов по отношению к Муслюмово-Тугозвоново, предлагаемому В.Ю. Малашевым. К IV в. находки в Муслюмово и Тугозвоново относили и С.И. Безуглов с В.П. Копыловым (1989, с. 178).

Благодаря усилиям С.И. Валиулиной тураевская проблема получила еще один важный источник для датировки. Ею была реконструирована и всесторонне проанализирована обнаруженная под курганом V лампада-кубок (Валиулина, 2009, с. 134–138). Лампада конической формы выполнена из редкого бесцветного прозрачно-

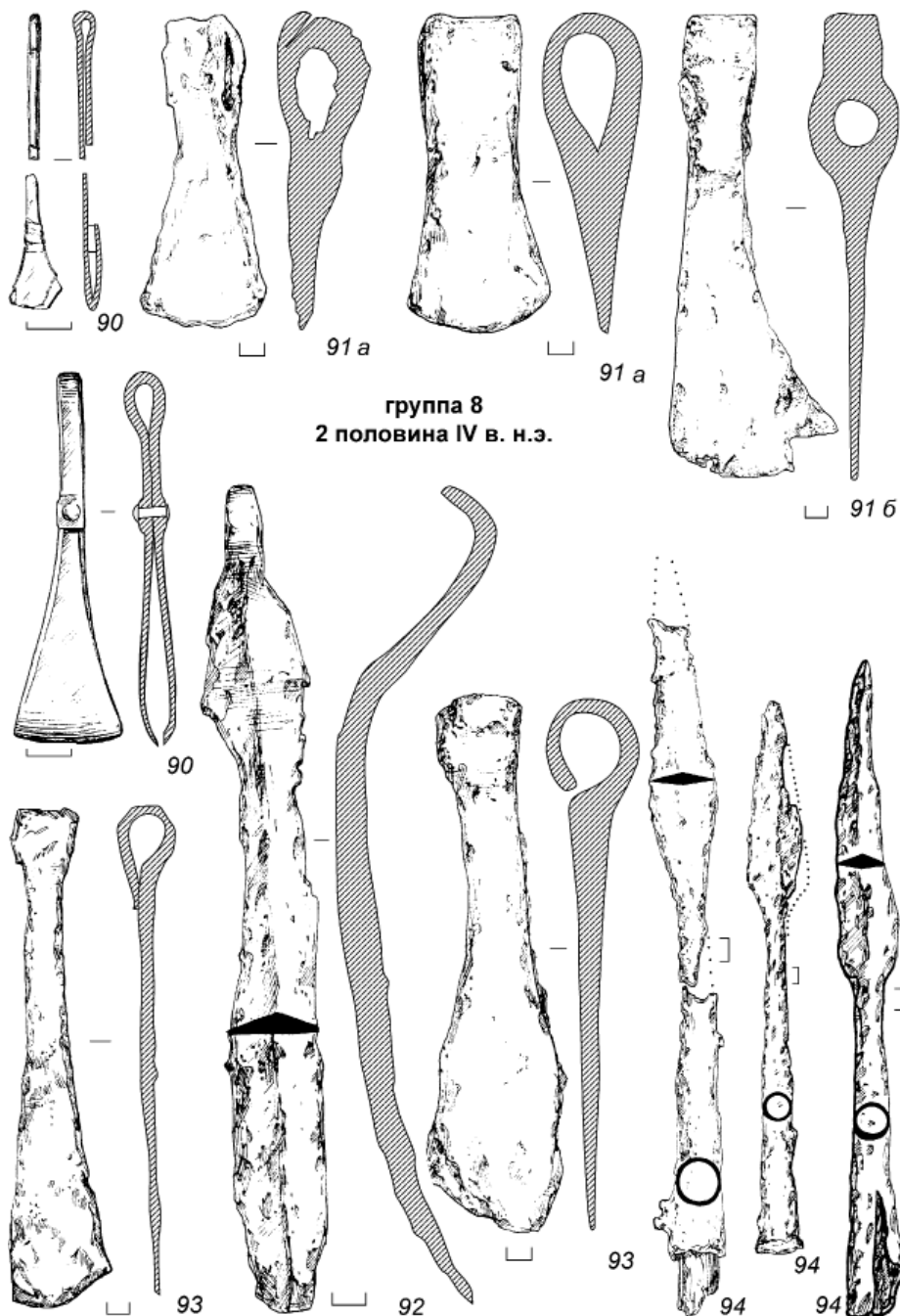
го стекла, украшена в верхней части крупными чередующимися группами из 6 мелких рельефных наклепов из синего стекла. Стекланные сосуды с орнаментом из синего стекла были широко распространены в римское время от Пиренейского полуострова до Кавказа и от Скандинавии до Египта. Они хорошо известны в памятниках Причерноморья, Танаиса, Северного Кавказа. Ближайшей аналогией тураевской является лампада IV в. из некрополя Пантикапея (могила 1, производство Сирии или Египта, хранящаяся в Эрмитаже (Кунина, 1997, с. 336, № 424)). Она совпадает с тураевской не только в форме, но и в размерах. Высота у пантикапейской – 13,9 см, у тураевской – 13–15 см, диаметр по верху у первой – 6,1 см, у второй – 7–8 см, диаметр дна соответственно – 0,9 и 0,9–1 см. Незначительное расхождение объясняется сильной деформацией тураевского экземпляра. Различие касается цвета стекла, у пантикапейской лампы оно оливково-желтое, у тураевской – бесцветное. Изучение химического состава тураевской лампы, проведенное С.И. Валиулиной, доказало ее ближневосточное происхождение, а именно из стекольной мастерской римского времени в Джаламе (Палестина).

Подобная лампада с синими наклепами найдена в Паннонии в одном из погребений могильника Интерхаза рядом с монетой Валентиниана (364–375 гг.). Л. Баркоци предполагал особое распространение подобной посуды в третьей четверти IV в. В качестве аналогии этой лампаде он привел находку из Сирии, экземпляры из стран Ближнего Востока, хранящиеся в Метрополитен-музее, музее Ватика-

на, в Кельне и другие (Barkoczi, 1972, с. 74, Abb. 4: 1).

Аналогичные конические светильники с орнаментом из капель синего стекла в цебельдинской культуре (северо-западная Грузия) О.А. Гей и И.А. Бажаном отнесены к периоду 6 (375–400 гг.). Важно, что эти кубки-светильники диагностируют, по их мнению, пятый период черняховской культуры, который соответствует времени после гуннского нашествия (последняя четверть IV в. н.э.) (Гей, Бажан, 1997, табл. 27: 24, с. 24–25, 48). Суммируя все вышесказанное, следует констатировать, что приуральские материалы типа Тураевских курганов, а значит и группа 7 Тарасово, датируются последней четвертью IV столетия.

Попытка В.Ф. Генинга растянуть время использования Тураевских курганов почти на столетие: последнюю четверть IV – первую половину V в. (1976, с. 108) представляется не совсем удачной. Под курганами похоронены 15 мужчин-воинов в 14 могилах. Под курганом III раскопаны 2 погребения. Погребение 2 отнесено В.Ф. Генингом к концу IV в., погребение 1 – к первой четверти V в. Даже простое визуальное сопоставление пряжек из обоих комплексов без всякой математики показывает, что они одновременны: все пряжки с асимметричной по толщине рамкой, нависающим, но не выступающим язычком, одинаковыми формами пластин (Генинг, 1976, рис. 27: 2 – погр. 2 и 27: 5 – погр. 1; 27: 6 – погр. 1 и 27: 7 – погр. 2). Подобное сопоставление может быть продолжено и оно приведет к единственному выводу – все могилы хронологически одновременны, то есть люди, захороненные под Тураевскими курганами,

группа 8
2 половина IV в. н.э.

Рис. 11. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 8 (вторая половина IV в. н.э.). 90 – пинцеты; 91а, 91б – топоры; 92 – боевая коса; 93 – секировидные предметы; 94 – наконечники копий. 90 – бронза; 91а, 91б–94 – железо, иногда дерево.

Fig. 11. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 8 (second half of the 4th century AD). 90 – tweezers; 91а, 91б – axes; 92 – war scythe; 93 – poleaxe items; 94 – spear heads. 90 – bronze; 91а, 91б–94 – iron or, sometimes, wood.

погибли в одно время (в один или несколько дней). Скорее всего, это была группа ранних именковцев (черняховцев), которые осваивали близлежащие к устью р. Камы территории и были убиты местным населением. Поскольку погребальный обряд пришельцев был мазунинцам неизвестен, пришлые воины были похоронены по близкому им обряду – труположению в одежде с сопровождающим инвентарем на окраине своего могильника (грунтовая часть Тураевского I могильника) (Голдина Р.Д., Бернц, 2010).

Группа 8 объединяет могилы групп 6 (третья четверть IV в.) и 7 (четвертая четверть IV в. – вторая половина IV в.) и свидетельствует о том, что эти группы тесно взаимосвязаны и, вероятно, являются отражением двух волн проникновения в Прикамье единого по происхождению населения в третьей и четвертой четвертях IV в.

В эту группу вошли косметические бронзовые пинцеты (рис. 11: 90; 4 экз.), которые хорошо известны на памятниках Великого переселения народов в Среднем Поволжье: Щербетьском островном селище (Старостин, 1968, рис. 1: 4) и Новинковском V селище именковской культуры (Сташенков, 2010, рис. 5: 7); в Среднем Прикамье, включая бассейн р. Белой: Усть-Сарапульском могильнике (Арматынская, 1986, рис. 6: 6), Ижевском, Ангасякском и Старокабановском (Останина, 1997, рис. 15: 1, 3) могильниках. Многочисленны они и на Верхней Каме, на памятниках харинского типа: Харинском, Аверинском могильниках, Опутятском городище, Коновалятском, Горт-Кушетском I, Лисья Курья селищах (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXXIII: 23, 25, 26; XXXIX:

10; XLIV: 18, 34, 35), селище Пеньки (Мельничук, Соболева, 1986, рис. 2: 28) и в могиле 2 кургана 16 Бродовского могильника неволинской культуры (Голдина Р.Д., 1986, табл. 11: 5).

К этой же группе относятся железные проушные топоры. В Тарасово все могилы с проушными топорами концентрируются в воинских захоронениях поздней северной части памятника (Голдина Р.Д., Сабиров, Сабирова, 2015, ил. 247), в более раннее время они неизвестны. В большинстве случаев топоры представляют собой небольшие короткие изделия без выделенного обуха, длиной 13–16 см и шириной лезвия 6–9 см (рис. 11: 91а; 8 экз.). Они несколько напоминают топоры типов 1А и Б памятников Поочья, выделенных И.Р. Ахмедовым и А.М. Воронцовым (2012, с. 10–11). Правда, последние имели более узкое и слабо расширенное лезвие. Несколько разнится и дата – топоры Поочья датированы исследователями концом I – началом III в. и свидетельствуют о контактах населения мощинской культуры и рязано-окских финнов (там же, с. 17).

В Среднем же Прикамье такие топоры известны в могильниках азелинского типа бассейна р. Вятки: в Ошкинском (Голдина Р.Д., Лещинская, Макаров, 2014, табл. 11: 4, 17: 1 и др.); Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010, табл. 15: 10, 16: 27, 24: 8 и др.); Суворовском и Азелинском (Генинг, 1963, табл. XVI: 4–9, XXIV: 7, 8). Подобные топоры обнаружены в Тураевских курганах (Генинг, 1976, рис. 38: 11, 36: 1), Тураевском бескурганном могильнике (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 244: 1–4, 245: 2) и других. В устье р. Камы и прилегающем Марийском Поволжье они найдены в погребениях 117

и 207 Рождественского V (Старостин, 2009, рис. 24: 31, 32: 8) и в захоронении 60 Мари-Луговского могильников (Халиков, 1962, табл. XXXVI: 12).

Примерно в это же время (III–V вв.) такие топоры появляются в Башкортостане: могильниках Старо-Кабановском (Останина, 1997, рис. 17: 1, 2; 18: 1); Шиповском бескурганном (Овсянников и др., 2007, рис. 40: 1); как в подкурганных, так и бескурганных могилах, а также в насыпях Старо-Муштинского могильника III–IV вв. (Сунгатов и др., 2004, с. 59–60, рис. 37: 1, 51: 15, 66: 9–11), а также в Анга-сякском могильнике этого же времени (4 экз., Васюткин, 1980, табл. 1–4).

Металлографически исследован лишь один проушный топор небольшого размера из погребения 1772 Тарасово. Лезвие было сделано по технологии продольной сварки стальной и железной многослойной полос. На рабочую часть выведена стальная полоса. Можно предполагать боковую наварку стального лезвия на основу из пакетированного железа (Перевошиков, Кондрашин, 2017, в печати, анализ 136).

Были исследованы и 3 топора такого же типа из погребений 1 кургана V и 1а кургана VII Тураево. Один из них был откован из цельносталльной заготовки с мягкой закалкой на конце (Семькин, 1993, с. 194, рис. 1: 3), другой – из двух сваренных высокоуглеродистых пластин (там же, с. 194, рис. 1: 4). Оба сделаны по одной технологии: отдельно выполнен клин лезвия, а затем к нему приварена дугообразная пластина, образующая обух. При этом формировался плоский срез в нижней части проушины. Этот способковки топоров был присущ именьковским мастерам (там же, с. 193).

В корреляционной таблице по погребению Тарасово все небольшие проушные топоры этого типа попали во вторую половину IV в. Очевидно, именно к этому времени относится их массовое поступление в Прикамье. Но следует учитывать и то обстоятельство, что один из таких предметов был обнаружен в могиле 14 Ошкинского некрополя, которая датирована Н.А. Лещинской первой половиной III в. (2014, с. 168). Вполне допустимо, что первое проникновение этого вида вооружения в Прикамье относится к этому времени.

Вопрос об истоках таких топоров достаточно сложен. Л.А. Вязов предполагает их связь с сарматами (2012, с. 46). Однако, как известно, сарматы топорами почти не пользовались (Хазанов, 1971, с. 51). Например, в позднесарматское время на Нижнем Дону из 89 погребений топор найден лишь в одном (Белоусов, 2010, с. 131). Обстоятельная работа И.Р. Ахмедова и А.М. Воронцова о топорах Верхнего и Среднего Поочья (2012) показала, что на этой территории найдено более 70 проушных топоров II–IV вв., среди которых присутствуют и изделия, близкие описываемым прикамским. И, очевидно, истоки последних следует искать именно там. Кроме того, Л.А. Вязовым сделано очень важное заключение, что коротколезвийные топоры появились в Прикамье одновременно с длиннолезвийными (2012, с. 46) и, следовательно, вряд ли их исходные позиции должны существенно различаться.

Небольшой короткий топор, похожий на тарасовские, тураевские и азелинские, обнаружен в могиле 4 крымского могильника Нейзац. По мнению И.Н. Храпунова, он аналогичен то-

порам черняховской культуры и свидетельствует о сармато-германских контактах. Топоры подобных форм во множестве встречались в ареале германских культур: вельбаркской, пшеворской, черняховской (Храпунов, 2010, с. 548–549, 552).

Оригинальны 3 топора из погребения 1685. Они имеют длину 17–21 см, узкие, асимметрично расширяющиеся к лезвию полотна шириной 7,5–8 см и сформированные обухи, один – хорошо выраженный молоточкообразный (рис. 11: 91б). Близкий по форме, но с меньшей шириной лезвия проушный топор происходит из погребения 5 Первомайского могильника худяковской культуры на р. Вятке (Голдина Р.Д. и др., 2014, табл. 135: 5). Некоторое отдаленное сходство эти топоры имеют с экземпляром, происходящим из погребения 11 могильника Заречье 4 в Среднем Поволжье (Ахмедов, Воронцов, 2012, рис. 13: 1). Этот топор значительно меньше по размерам (13,4 – длина, 4,9 см ширина лезвия), но у него такая же форма, с четко обозначенным обухом. Исследователи этого предмета отмечают его близость к черняховским топорам из Кнышивки и Компаниец и датируют его серединой IV в. (там же, с. 15–16). Топоры такого типа имеют сходство (за исключением отсутствия щековиц) с топорами-францисками позднеримского времени Восточной Европы и Северного Кавказа, которые С.Ю. Каргапольцев и И.А. Бажан связывают с походами готов и датируют временем не ранее первой половины III в. (1992, с. 120–121, рис. 4: 2, 10). И.Н. Храпунов, анализируя подобные экземпляры топоров с выраженным обухом, отметил, что они были распространены преимущественно в Аб-

хазии и Крыму и имели, возможно, местное происхождение (Храпунов, 2010, с. 548).

К этой же серии топоров второй половины IV в. следует отнести и один из железных проушных топоров из кургана V Тураевского могильника (Генинг, 1976, рис. 28: 10). Он несколько отличается от остальных вариантов топоров из этого могильника большими размерами (длина 18,5, ширина лезвия 5,5 см) и несколько расширенными щековицами. По заключению Ю.А. Семькина, этот топор из кургана Тураевского могильника изготовлен из пакетной заготовки в несколько полос кричного железа и сырцовой, неравномерно науглероженной стали. На режущую грань лезвия топора сознательно выведена наиболее богатая углеродом зона с зернистым перлитом. Предмет выполнен способомковки, характерным для именковских мастеров (Семькин, 1993, с. 194, рис. 1: 2).

В погребении Тарасово проушные топоры часто встречались с секировидными изделиями (погр. 1772, 1784, 1785, 1850), которые также входят в группу 8. Последние напоминают топоры, однако отличаются длинным (16–28 см) и узким корпусом (рис. 11: 93; 10 экз.). При этом они имели ширину лезвия – 3,5–6,2 см и очень узкую круглую или каплевидную проушину размерами: 1 × 1,5; 2 × 2,7 см, в максимуме 2 × 4 см. Вес этих изделий колеблется от 300 до 550 г.

В Прикамье они известны на могильниках середины I тыс. н.э. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 57), особенно многочисленны на Тураевском (5 экз.), Тарасовском и Кудашевском (по 10), Тюм-Тюм (14 экз.) могильниках. Иногда в одной моги-

ле встречались несколько штук: от 5 (погр. 1784 Тарасово) до 14 (Тюм-Тюм, погр. 94). На Щербетьском I селище именьковской культуры в одном месте возле мастерской были найдены 26 секир (Старостин, Хомутова, 1981, с.209).

Вопрос о их назначении пока дискуссионен. В 1976 г., публикуя материалы Тураевских курганов, В.Ф. Геннинг четко отделял эти предметы от топоров, называя их железными пластинами с проушным загибом сверху и обращал внимание как на их сходство с топорами, так и отличия от них: малый объем проуха и отсутствие заостренного лезвия (1976, с. 69, рис. 28: 5). П.Н. Старостин и Л.С. Хомутова, анализируя большую серию (23 экз.) предметов подобного типа с Щербетьского I островного селища, сочли их топорами (1981, с. 212–213). Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова предложили называть такие изделия секировидными предметами, учитывая их форму: длинное, узкое тело и узкое отверстие для рукояти, а также материал, из которого были сделаны эти вещи – целиком из железа, либо из мягкой сырцово-стали или пакетированного железа (Розанова, Терехова, 2000, с.137). Они обратили внимание на сходство формы этих предметов Прикамья с железными секировидными гривнами, служившими единицей обмена в Норвегии и Чехословакии, где они встречались на памятниках VIII–IX вв. сотнями экземпляров. Истоки этой традиции, по их мнению, восходят к римскому времени (Терехова, Розанова и др., 1997, с.149). Е.В. и Р.Д. Голдины присоединились к этой точке зрения (2010, с. 247, рис. 57), предполагая, что и в Прикамье

аналогичные предметы использовались как полуфабрикат.

С.Е. Перевошиков, анализирувавший металлографию двух таких изделий из Тарасово: из погребений 1772 (анализ 135) и 1779 (анализ 137), оценивает их как боевое оружие, основываясь на сложных кузнечных операциях при их изготовлении (качественный металл, сварка, наварка более науглероженного металла на лезвие и т.д.), а также на остатках дерева в проушине предмета из могилы 1779 (Перевошиков, Кондрашин, 2017, в печати). Думается, что сложность технологии изготовления не является весомым аргументом, такие полуфабрикаты могли делать из любого металла, который был под рукой, независимо от качества. Следы дерева в проушине могут быть единичным случаем.

Таким образом, вопрос о функциональном назначении этих изделий остается открытым. Но независимо от того, для чего использовались предметы такого рода, следует признать, что они реально существовали, имели определенные, весьма выразительные характеристики и могли представлять собой во всех выборках оба варианта – возможные боевые топоры и «секировидные предметы» – запас металла для изготовления будущей продукции или обмена. Для решения вопроса о соотношении этих видов изделий в конкретных могилах, памятниках, культурах следует провести серьезную исследовательскую работу.

По поводу датировки этих оригинальных изделий важно заключение Л.А. Вязова, что распространение длиннолезвийных топоров (секир?) происходило одновременно в имень-

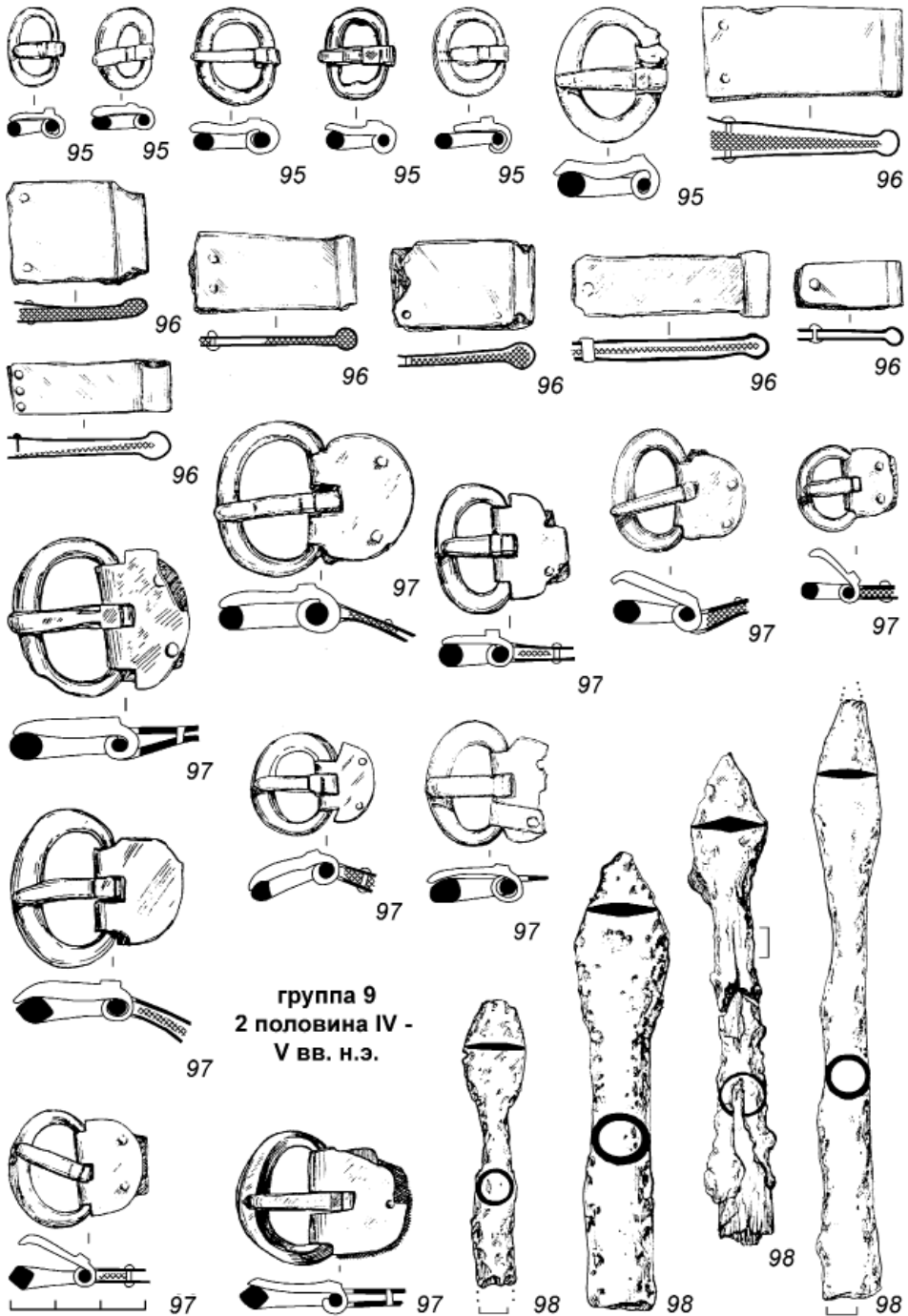

Рис. 12. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 9 (вторая половина IV–V вв. н.э.). 95, 97 – пряжки; 96 – наконечники ремней; 98 – наконечники копий. 95–97 – бронза, иногда кожа; 98 – железо, иногда дерево.

Fig. 12. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 9 (second half of the 4th – 5th centuries AD). 95, 97 – buckles; 96 – belt tips; 98 – spear heads. 95–97 – bronze or, sometimes, leather; 98 – iron or, sometimes, wood.

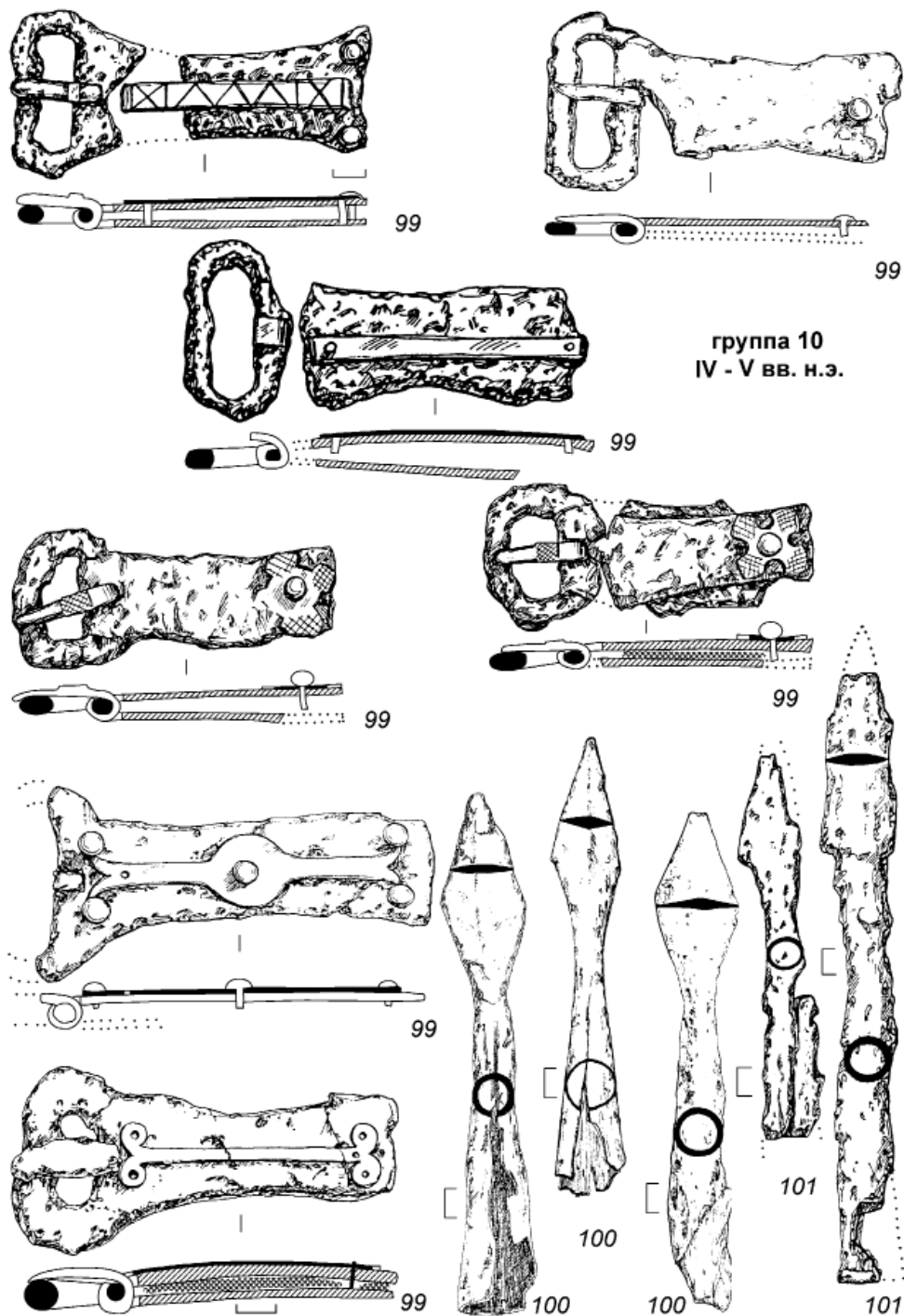

Рис. 13. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 10 (IV–V вв. н.э.). 99 – пряжки; 100, 101 – наконечники копий. 99 – железо, бронза; 100, 101 – железо.

Fig. 13. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 10 (4th – 5th centuries AD). 99 – buckles; 100, 101 – spear heads. 99 – iron, bronze; 100, 101 – iron.

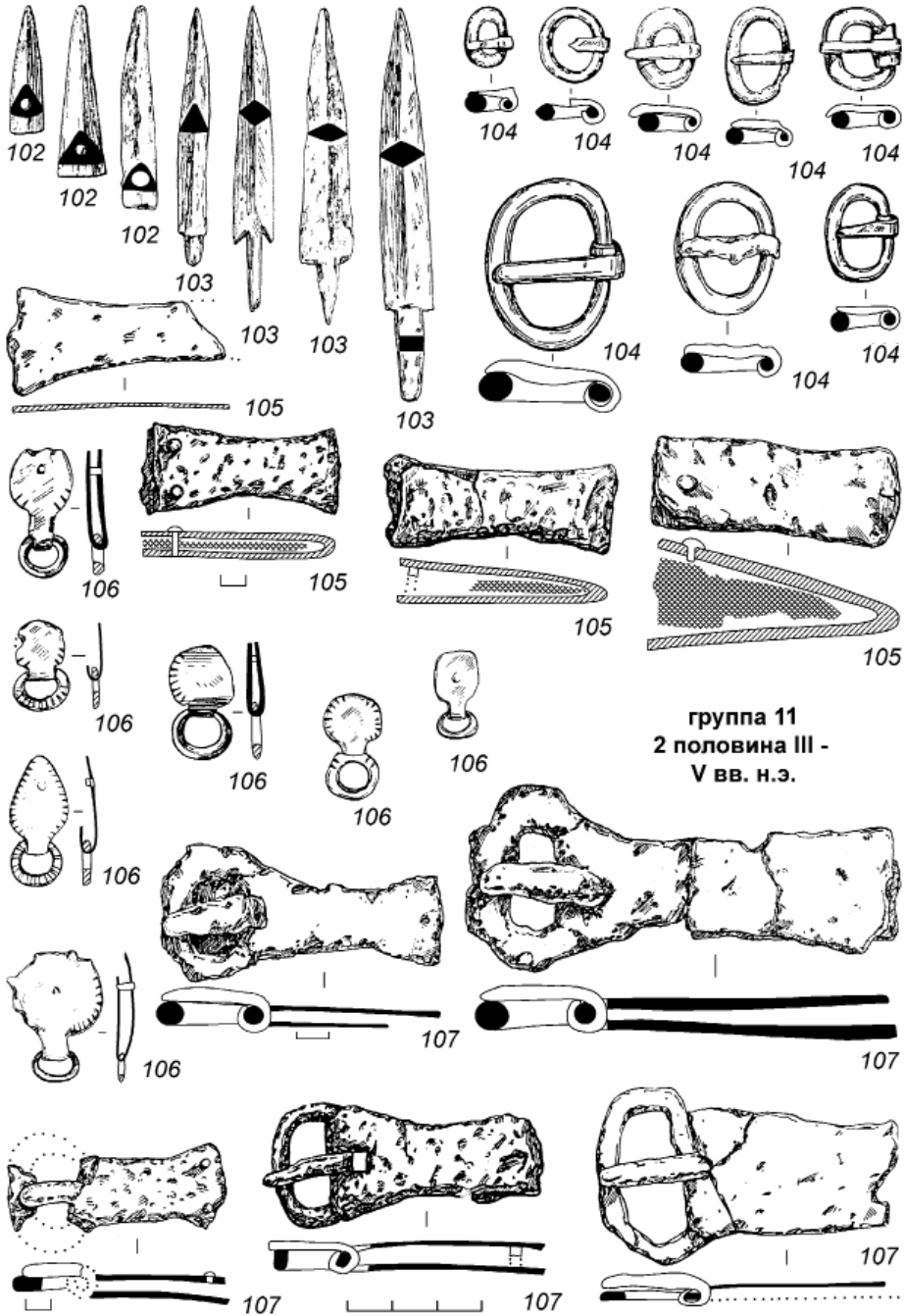

Рис. 14. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 11 (вторая половина III–V вв. н.э.). 102, 103 – наконечники стрел; 104, 107 – пряжки; 105 – наконечники ремней; 106 – накладки. 102, 103 – кость; 104, 106 – бронза; 105, 107 – железо.

Fig. 14. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 11 (second half of the 3rd – 5th centuries AD). 102, 103 – arrow heads; 104, 107 – buckles; 105 – belt tips; 106 – plaques. 102, 103 – bone; 104, 106 – bronze; 105, 107 – iron.

ковской, азелинской и мазунинской культурах во второй половине IV в. (2012, с. 46). Но не надо думать, что время их бытования ограничено только этим временем. Скорее всего, появившись в Прикамье в указанный период, они продолжали использоваться и позже.

На близость кузнечного производства железных изделий Тураевских курганов и предметов именьковской и черняховской культур впервые указал Ю.А. Семькин (1993, с. 196, 214, 254). Ведущие специалисты в области металлографии – Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова и В.И. Завьялов – также отмечают значительное сходство технологий кузнечного производства черняховской, азелинской и именьковской культур (Терехова, Розанова, 1997, с. 146–148, 154–155). Черняховские и именьковские топоры совпадают не только по конструктивным особенностям, но и по размерам (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 125). Это определенно свидетельствует о едином происхождении населения Тураевских курганов, группы 8 Тарасовского могильника (воинские погребения), могильников азелинского типа: Азелино, Суворово, Тюм-Тюм, Усть-Брыска и других из одного или нескольких, но близких источников.

Одним из интереснейших предметов группы 8 являются боевые косы (рис. 11: 92; 11 экз.). Этот термин введен А.П. Зыковым и в большей степени, чем другие варианты отражает функцию предмета. А.А. Спицын называл этот предмет «ладьевидная стамеска» (Спицын, 1901, табл. XII-22; XV: 10), Н.А. Мажитов – «предмет, очень близко напоминающий кочедык» (Мажитов, 1962, с. 70), В.Ф. Ге-

нинг – «коса-горбуша», «железная коса с обоюдоострой полосой» (Генинг, 1963, с. 23, табл. XXIV: 4; 1976, с. 78, рис. 31: 12), С.В. Ошибкина – железный скобель-«коса» (Ошибкина, 1979, с. 71–79), В.П. Мокрушин – «обоюдоострая ладьевидная коса» (Мокрушин, 1997, с. 141), Т.И. Останина – «коса» (Останина, 1997, с. 72, рис. 18: 2), А.Н. Лепихин, А.Ф. Мельничук – «серп прямой с крючком» (Лепихин, Мельничук, 1999, с. 34, рис. 17: 1), Е.В. Голдина, Р.Д. Голдина – «железная коса-бумеранг» (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 184–185, рис. 51; 52). Боевые косы представляют собой изделия с обоюдоострым клинком (в среднем 14–16 см длиной и 2,5–4 см шириной), усиленным ребром жесткости и черешком с крючком на конце, поставленным под тупым углом к клинку. К настоящему времени их известно более 80 экземпляров. Они располагаются в основном на памятниках III–V вв. (даты авторов) Среднего Прикамья, бассейна р. Белой, на объектах азелинского типа на Вятке и Нижнем Прикамье, единично – в Пермском Прикамье и в бассейне р. Сылвы – на памятниках послегляденовского времени (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 52). Особенно многочисленны они на Тураевском (8 экз.), Тарасовском (12) и Кудашевском (не менее 30 экз.) могильниках. Предметы оригинальны, подобные на других территориях пока не известны.

С.Е. Перевошиков проанализировал металлографически 7 предметов такого рода из памятников мазунинского типа Удмуртского Прикамья: 2 – из Тураевского бескурганного могильника, 3 – из Тарасовского; по одному – из Момылевского и Ныр-

гындинского II городищ. Были привлечены и 6 анализов, выполненных другими авторами: 2 – из Тураевских курганов (Семькин, 1993, с. 195, рис. 1: 7, 8); 2 – из Рождественского V и 1 – из Усть-Брыскинского могильников азелинского типа (Терехова, Розанова и др., 1997, с. 136–138). Выяснилось, что при производстве кос использовалось кричное, хорошо прокованное железо, сырцовая или специально приготовленная сталь, часто применялась сварка железа и стали, при этом более качественное сырье выходило на рабочие края изделий, некоторые предметы подвергались закалке. Очевидно, при создании кос использовались технологии, применяющиеся для изготовления оружия и орудий высокого класса (Перевошиков, Пастушенко, 2006, с. 108–110). С.Е. Перевошиковым представлены возможные реконструкции как самого оружия, так и использования его в деле. Вероятно, если и оставить за этим изделием название «коса», то, несомненно, не горбуша, так как это не земледельческое орудие, а боевая коса, имея в виду, что это оружие, поражающее как на расстоянии (метательное), так и в ближнем бою. Свидетельством того, что это метательное оружие и в процессе его использования оно часто бывало утрачено, является и то обстоятельство, что в отдельных могилах эти предметы встречаются по несколько экземпляров. Таким образом, боевая коса представляет собой оригинальный вид вооружения, привнесенный в Прикамье во второй половине IV в.

Уместно сослаться на найденную Л.А. Вязовым характеристику вооружения франков: «все же остальные были пешими, не имели ни луков, ни копий, но каждый нес меч, щит и одну

секиру. Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая. При первом же натиске по данному знаку они обычно бросают во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их самих» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами», VI (II), 25; цит. по: Л.А. Вязов, 2012, с. 45). Именно такой секирой и могла быть боевая коса приуральских могильников.

Среди сопровождающего боевые косы инвентаря, в частности, в могиле 30 Суворовского могильника найдены мечи с навершием в виде халце-донового диска, наконечники копий и стрел, шлем. В захоронении I кургана VII Тураевских курганов вместе с боевой косой обнаружены уздечка, боевые топоры, наконечники копий, кинжалы, шлем, кольчуга, мечи.

На Тарасовском могильнике многочисленны втульчатые наконечники копий (всего 110 экз. из 104 могил, в могилах мазунинского времени – 74 экз.). Они встречались преимущественно в захоронениях мужчин в возрасте 17–45 лет. При помещении в могилу древки часто были сломаны. В погребении 1703 обнаружено целое копьё длиной 177 см с железным наконечником и деревянным древком. Наконечники копий встречались как в ранней части, так и в поздней. Среди вошедших в корреляционную таблицу и отнесенных к I в., наконечники копий содержались из 20 могил в 10, а ко II в. – из 17 могил – также в 10 (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 1). По результатам корреляции мужских захоронений в III – первой половине IV в. с наконечниками копий выявлено 5 могил из 38. Экземпляры из могил 176, 381 и 393 из корреляции

были исключены из-за сильной коррозии. Начиная с третьей четверти IV в. число могил с копьями резко увеличилось: из 19 они найдены в 10, а в четвертой четверти IV и V в. – из 30 – в 23 погребениях. В могиле 41 было обнаружено 2 наконечника копья. Очевидно, что копья были основным видом вооружения населения Среднего Прикамья. За все время использования копий Тарасово их роль особенно возросла с третьей четверти IV в. Следует также отметить, что в III и первой половине IV в. лишь один раз копье было найдено вместе с мечом, а во второй половине IV–V в. таких случаев зафиксировано уже 7. При этом в двух могилах (1685 и 1784) меч и наконечник копья обнаружены вместе с удилами (захоронения конных воинов). Одно из них относится к третьей четверти IV в., а другое – к четвертой четверти этого же столетия. Значительное увеличение могил воинов-всадников с третьей четверти IV в. подтверждают и следующие цифры. Если в III – первой половине IV в. число могил всадников (удила) с мечами известно 4 (погр. 782, 6, 1737, 199), то в более позднее время – их уже 7 (погр. 765А,Б, 129, 1772, 1703, 474, 235).

Наконечники копий коррозированы и типы их не всегда определимы. Границы между типами расплывчаты. В группу 8 включены наконечники копий с листовидным вытянутым пером, с расширением в нижней его трети, ромбическим сечением и длинной втулкой (рис. 11: 94, тип 1). На конце втулки иногда фиксируется железная муфта-манжета. Тяжелые наконечники с длинными втулками к ударным копьям были распространены в Евразии от середины I тыс. до н.э.

до середины II тыс. н.э. На Южном Урале они появились в сарматскую эпоху: в погребении 3 кургана 4 второй половины V – первой половины IV в. до н.э. могильника Филипповка I (Яблонский, 2008, с. 202, рис. 4: 1), в кургане Темир конца V – начала IV в. до н.э. (Зданович, Хабдулина, 1987, с. 56, рис. 3: 1), из ямы 1 Березовского кургана конца V – начала IV в. до н.э. (Древности Урало-Казахстанских степей..., 1991, с. 39, 56, кат. №168)² и существовали до середины II тыс. н.э. (Кирпичников, 1966, рис. 1). Близкие по форме наконечники происходят из могил группы 4 Верхнего Посурья и Примокшанья, где они датированы В.В. Гришаковым второй половиной IV – началом V в. (2008, рис. 20: 1, с. 110–113).

На западные истоки указывают и данные металлографии. Некоторые наконечники (погр. 660, анализ 42А, Б) откованы целиком из сырцово-стали с микротвердостью 314–351 кг/мм², металл характеризуется как пластинчатый перлит, феррит, феррито-перлит. Особый интерес представляет результат анализа наконечника копья такого типа, происходящий из сбора на грунте из траншеи нефтяников в поздней части памятника. Он имел основу в виде трех-четырёхслойной скрученной малоуглеродистой заготовки, к которой была приварена другая полоса, выкованная из разнородного сырья – мало- и среднеуглеродистой стали. Подобная схема придает изделию дополнительную

² Благодарю А.П. Зыкова за подробную консультацию о длинновтульчатых наконечниках ударных копий (электронные письма от 6.12.2015 и 15.12.2015).

упругость и известна по материалам черняховской культуры (Перевошиков, Кондрашин, 2017, в печати; Вознесенская, 1972, анализы 291 и 253).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в могилах группы 8, где найдены нехарактерные для Прикамья вещи, предметов явно местного производства: крупных железных пряжек с прямоугольными пластинами, украшенных бронзовыми накладками, шпеньками с полусферическими головками и часто бронзовыми язычками (рис. 13: 99); некоторых местных типов наконечников копий (рис. 13: 100–101; 15: 108); костяных втульчатых (рис. 14: 102) и черешковых (рис. 14: 103) наконечников стрел и железных колчаных крючков (рис. 15: 110).

Группа 9 (вторая половина IV – V в.) представлена 18 могилами второй половины IV (уже перечислены) и 23 погребениями V в. (248, 381, 1703, 1763, 867, 1795, 1729, 742, 919А, 256, 452А, 364, 234, 762, 7, 474, 235, 393, 334, 176, 1731, 247, 41, рис. 1). Вещи этой группы начинают использоваться в третьей четверти IV в. и доживают до конца использования памятника. «Чистых» вещей V в. в мужских могилах выявить не удалось, все они имели более ранние истоки, но поскольку вещей IV в. в этих могилах нет, мы предполагаем их более поздний возраст. Среди них бронзовые рамчатые овальные, реже округлые пряжки с утолщенными передними частями рамок, с язычками, не выступающими за пределы колец и хорошо выраженными выступами в их задней части (рис. 12: 95; 10 экз.), а также близкие им по оформлению рамок и язычков, но с полуовальными короткими щитками, скрепленными с ремнем, как правило,

с помощью двух обычных шпеньков (рис. 12: 97; 40 экз.).

Напомним, что утолщение передней части кольца пряжек и выраженные выступы или уступы на заднем конце язычка наблюдались у сармат со второй половины III в. (Малашев, 2000, с. 209; 2014, с. 139). Тарасовские рамчатые экземпляры напоминают пряжки первой группы могильника Паласа-Сырт в Западном Прикаспии, которая датирована В.Ю. Малашевым от второй четверти и до конца IV в. (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 99–100, рис. 203). И.О. Гавритухин по материалам юга Восточной Европы относит такие пряжки ко второй половине III – IV в. (2010, рис. 7: 1,4).

Подобные пряжки в Прикамье хорошо известны. В сводной работе по мазунинским памятникам Т.И. Останиной они фигурируют как изделия IV–V вв. в Старо-Кабановском и Югомашевском могильниках (1997, рис. 12: 29; 14: 12,15,21; 51: 30,40). Подобные пряжки с уступами, реже – с выступом на язычках встречались в Бродовских курганах конца IV – V в. (Голдина Р.Д., 2012, табл. 4: 9, 64; 5: 81, 100, 107, 123, 137 и др.). Территориально близки тарасовским экземплярам такие пряжки из могил второй половины IV – начала V в. Тураевского бескурганного могильника (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 261: 16, 263: 32,41, 269: 76). Подобные пряжки, только более крупные, иногда с граненой рамкой в Верхнем Прикамье существовали и в VI в. (Голдина Р.Д., 2012, табл. 6: 2,3).

В эту же группу попали весьма характерные наконечники ремней квадратной или прямоугольной форм из согнутой пополам пластины с валикообразным расширением в передней

части (рис. 12: 96; 54 экз.). По наблюдениям В.Ю. Малашева, такие наконечники, появившись на юге Восточной Европы во второй половине III в. (Малашев, 2000, рис. 7, В: 5), хорошо известны и в первой (Малашев, рис. 9: Б: 6,7; 10: Б: 2) и во второй половине IV в. (Малашев, рис. 13: Г: 14). Это мнение разделяет и И.О. Гавриутхин (2010, рис. 7: 2,35). Второй половиной III–IV в. датирует их в нижнедонских памятниках и С.И. Безуглов (2008, рис. 4: 15; 7: 11). В могильнике Брут-2 на Северном Кавказе такие наконечники отнесены к последним десятилетиям IV, возможно, началу V в. (Габуев, Малашев, 2009, с. 125, рис. 58: 1–6).

Близкие аналогии описанным предметам в Прикамье происходят из Тураевского I бескурганного могильника второй половины IV – V в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 263: 38, 265: 53). Концом IV–V в. датирует такие наконечники по вятским материалам Н.А. Лещинская (2014, табл. 95: 10, 11, 13, 15 и др.). Подобный экземпляр найден на городище Лбище именьковской культуры (Матвеева, 1998, рис. 4: 10). К V в. относит их по материалам Старо-Кабановского, Югомашевского и Бирского могильников Башкортостана Т.И. Останина (1997, рис. 12: 11–14, 22; 51: 18). Аналогичные предметы, только главным образом квадратные и украшенные рядом шпеньков с полусферическими шляпками, хорошо известны в Бродовском курганном могильнике конца IV–V в. в Верхнем Прикамье (Голдина Р.Д., 2012, табл. 4: 11; 5: 77, 88, 103, 124, 134). В этом регионе они продолжают использоваться и в VI в., только становятся более крупными, массивными, изготовлены часто из серебра,

а иногда и в полихромном стиле (там же, табл. 6: 13, 14; 8: 5).

К группе 9 относятся железные втульчатые наконечники копий с коротким листовидным пером, у которого наибольшее расширение приходится на его среднюю часть (рис. 12: 98, тип 4). Такие наконечники широко распространены в лесной полосе Восточной Европы, в том числе и в Прикамье.

Еще два типа легких ударно-металлических местных вариантов копий вошли в группу 10 (IV–V вв.). Среди них тип 2 – с коротким ромбическим пером и наибольшим расширением в его средней части (рис. 13: 100) и тип 5 – с коротким подтреугольным пером (рис. 13: 101). Некоторые из этих типов наконечников, появившись в раннем железном веке, были распространены в лесном Прикамье и позже. В частности, у населения, оставившего Тарасовский могильник, они (тип 2) были известны и в I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 4: 37). Положение в корреляционной таблице указанных типов наконечников копий отражает их популярность в среде прикамского населения III–V вв. и демонстрирует разнообразие типологической вариативности, продиктованное вкусами местных кузнецов и населения. Возможно, в будущем и удастся проследить динамику их развития, но на уровне современных знаний это невозможно.

К группе 10 относится один из характернейших типов пряжек местного производства, в изготовлении которого успешно сочетались железо – основа изделия – и бронза – декоративные фигурные пластины и шпеньки с полусферической головкой. Как правило, в женских могилах они представляют

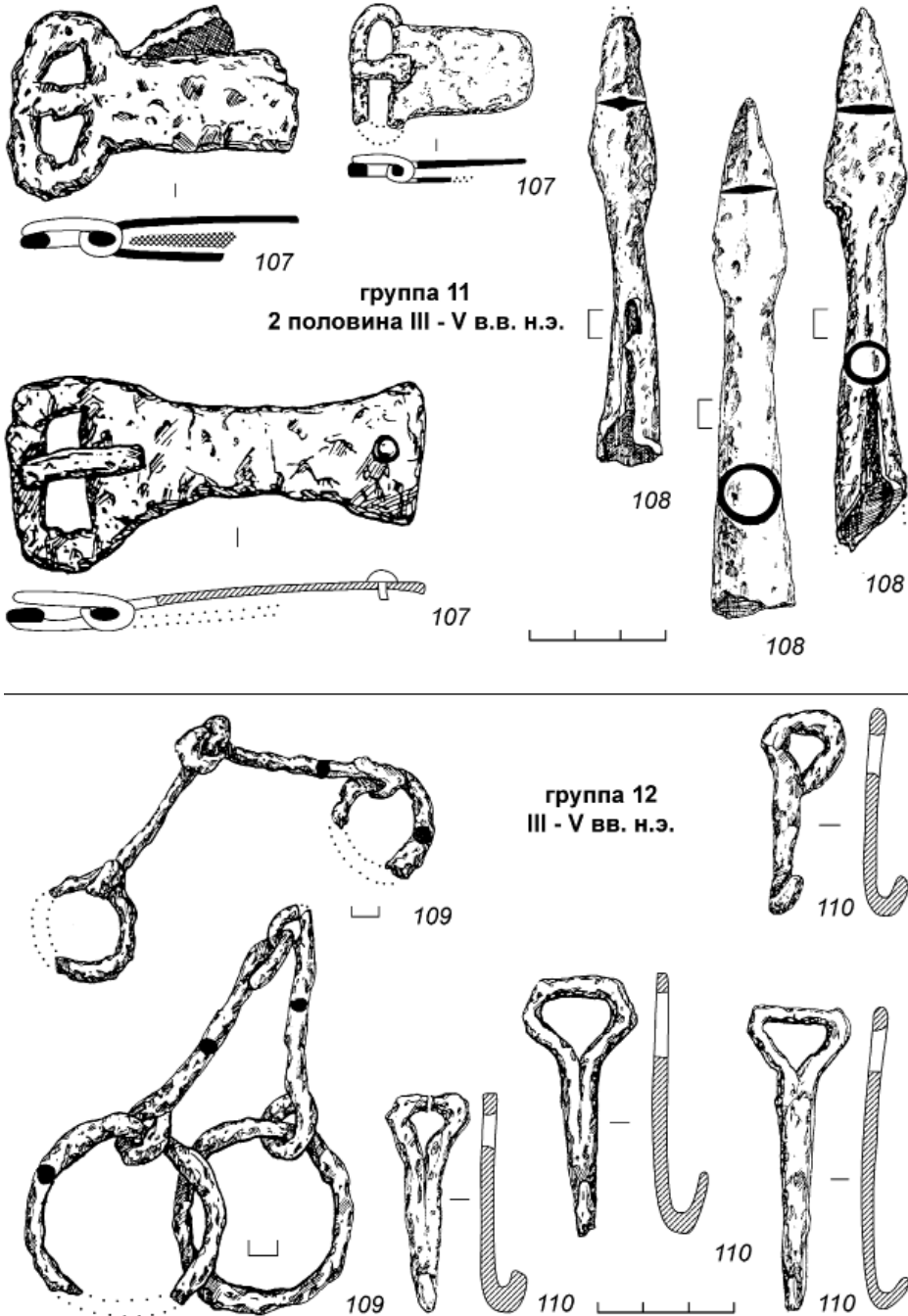

Рис. 15. Тарасовский могильник. 107, 108 – предметы мужских захоронений группы 11 (вторая половина III – V вв. н.э.). 107 – пряжки; 108 – наконечники копий. 109, 110 – предметы мужских захоронений группы 12 (III–V вв. н.э.). 109 – удила; 110 – крючки. 107–110 – железо.

Fig. 15. Tarasovo burial ground. 107, 108 – goods from male graves, group 11 (second half of the 3rd – 5th centuries AD). 107 – buckles; 108 – spear heads. 109, 110 – goods from male graves, group 12 (3rd – 5th centuries AD). 109 – bridle-bit; 110 – hooks. 107–110 – iron.

собой комплект – пряжку, наконечник ремня, прямоугольные или ромбические накладки. Пряжки (рис. 13: 99; 18 экз.), реже трехсоставные, с овальным кольцом и прямоугольной пластиной. Язычки часто имеют выступ у основания с насечками в виде сетки. Подобных изделий обнаружено много в могилах конца IV – V в. бескурганной части Тураевского могильника (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 228: 4–9), несколько экземпляров найдено на Ижевском могильнике, где они датированы Т.И. Останиной IV–V вв. (Останина, 1997, рис. 51: 42), В.Ф. Генингом – IV в. (Генинг, 1979, рис. Б: 1). Судя по тому что на могильниках Вятки такие пряжки отсутствуют, центр их производства находился в южной части правобережья удмуртского Прикамья (Тураево, Тарасово и др.).

Разделение на группы 11 и 12 в некоторой мере условно. Большинство вещей обеих этих групп бытовали на протяжении III–V вв., но по неизвестным или случайным обстоятельствам некоторые предметы не были зафиксированы в могилах первой половины III в. Например, костяные наконечники стрел как втульчатые (рис. 14: 102; 22 экз.), так и черешковые (рис. 14: 103; 69 экз.), конечно, использовались и в первой половине III в. Костяные втульчатые наконечники – этнографическая особенность чегандинской культуры Среднего Прикамья. По данным Б.Б. Агеева, здесь известно их более 900 экземпляров. Они хорошо представлены и в Тарасовских могилах I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 4: 31). Хотя костяных черешковых наконечников стрел в могилах I–II вв. н.э. в Тарасово не зафиксировано, но они, конечно, были

популярны у местного населения, поскольку встречались на других памятниках (Генинг, 1970, табл. XXV: 4–6), и более просты в изготовлении, чем втульчатые. Это же касается и железных колчаных крючков с петлей в верхней части (рис. 15: 110; 86 экз.). Подобные обнаружены в могилах I в. Тарасово (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 2: 13) и многочисленны в могилах мужчин III–V вв.

В группу 11 (вторая половина III – V в.) вошел один из местных вариантов наконечников копий с коротким листовидным пером и наибольшим расширением в его нижней части – тип 3 (рис. 15: 108). Что касается бронзовых округлых или чаще овальных пряжек с гладким язычком, то они были известны тарасовскому населению в I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 4: 39), но в III–V вв. у них изменился характер кольца: оно стало асимметричным, массивнее стала передняя часть и иногда фиксировалось его ограничение (рис. 14: 104; 30 экз.). Подобная пряжка с утолщенным передним кольцом найдена в кургане 37 могильника Лебедевка VI первой половины III в. в Западном Казахстане (Мошкова, Демиденко, 2010, рис. 1: 3).

На протяжении III–V вв. существовали составные поясные накладки с различными вариациями овальной верхней части и кольцом (рис. 14: 106; 75 экз.), только в первой половине III в. они отличались более тщательно исполненной фасетировкой как верхней части, так и кольца (рис. 2: 8).

В III–V вв. использовались железные удила с псалями в виде малых или крупных колец (рис. 15: 109; 18 экз.). Для II в. нами зафиксировано бытование удил одновременно и с

крупными, и с малыми кольцами (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 3: 30). Вследствие плохой сохранности в некоторых случаях можно предполагать наличие только одного вида колец. Например, для могил 692 и 1420 можно допустить использование только малых колец (а возможно, крупные не сохранились). В мазунинское же время были распространены удила либо с малыми, либо с крупными кольцевидными псалиями. Попытка их разделить по времени пока оказалась безуспешной. Удила с малыми кольцами встречались как в первой половине III в. (погр. 111), так и в первой половине IV в. (погр. 1737), а также в третьей четверти IV в. (погр. 60).

В группу 11 вошли крупные железные пряжки с прямоугольными, иногда заууженными в середине щитками, овальными рамками и гладкими язычками (рис. 14, 15: 107; 77 экз.), часто сочетающиеся с железными прямоугольными наконечниками, согнутыми из одной пластины (рис. 14: 105; 43 экз.). Ранние варианты подобных пряжек и наконечников в Причерноморье отмечены во второй половине I – первой половине III в. (Гавритухин, 2010, рис. 5: 12–13). Известны они во II – первой половине III в. в Центральном Предкавказье (Абрамова, 1993, рис. 66: 11–24). В Прикамье они появились, вероятно, в первой половине, а по тарасовским материалам во второй половине III в. и бытовали в IV в. В V в. они получили в Среднем Прикамье особое распространение. Экземпляры из Ижевского и Сайгатского могильников датированы В.Ф. Генингом IV в. (1979, рис. Б: 2; В: 3), из Нивского и Чепанихинского некрополей отнесены Т.И. Останиной к IV–V вв. (1997, рис. 13: 20, 14: 3, 51: 42). Оби-

лие таких пряжек в Тарасовском и Тураевском бескурганном (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 230: 2–7, 231: 1–6), Заборье (Бернц, 2006, рис. 2: 5; 6: 9), Дубровском (более 20 погребений, раскопки Е.М. Черных), Боярском могильниках (раскопки Е.М. Черных) позволяет считать местом их производства южную часть мазунинской территории в удмуртском Прикамье.

Сопутствующие им железные прямоугольные наконечники ремней, иногда с заууженной серединой (рис. 14: 105; 44 экз.) уже были предметом исследования ученых. В частности, И.А. Бажан и И.О. Васкул именно их считали импортом в лесную зону Восточной Европы из районов пшеворской, западнобалтской и вельбаркской культур на рубеже II–III вв. н.э. (Бажан, Васкул, 1988, с. 76–89, рис. 3, 4). Очень хотелось бы поддержать эту гипотезу, но, к сожалению, по материалам Тарасово такие наконечники появились в Прикамье не ранее второй половины III в., а основное их бытование приходится на IV в. В V в. они становятся здесь крупнее и часто орнаментированы бронзовыми полусферическими шпеньками (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 234). Об этой более поздней дате (не рубеж II–III, а вторая половина III – IV в.) уже писал В.Ю. Малашев (Малашев, Яблонский, 2008, с. 53). Но следует помнить, что именно И.А. Бажан и И.О. Васкул впервые обратили внимание на существовавшие в первой половине I тыс. н.э. исторические связи между Урало-Поволжьем и западным миром.

В результате проделанной работы над погребальными комплексами мужских захоронений поздней мазунинской стадии III–V вв. Тарасовско-

го могильника удалось выделить 12 хронологических групп как короткого (четверть столетия и полустолетие), так и более длительного (столетие, 2 и 3 века) диапазона: первой половины III в. н.э. (группа 1); второй половины III в. (2); III в. (3); первой половины IV в. (4); второй половины III–IV в. (5); третьей четверти IV в. (6); четвертой четверти IV в. (7); второй половины IV в. (8); второй половины IV–V в. (9); IV–V вв. (10); второй половины III–V в. (11); III–V вв. (группа 12). Поскольку это первый опыт, мы хорошо понимаем, что предлагаемое хронологическое деление вызовет у многих сомнения и даже возражения, но надеемся, что возникшая дискуссия будет способствовать дальнейшему изучению проблемы. Предлагаемая группировка материалов ставит множество новых вопросов, которые требуют ар-

гументации. Становится очевидным существование нескольких волн миграции на Нижнюю и Среднюю Каму и прилегающее Поволжье военизированных пришлых групп: во второй половине III в., в третьей четверти IV в. и в четвертой четверти IV в. Интересна проблема причин и истоков этих миграций, их характер, взаимоотношения пришлого с местным населением и значение этих контактов. Все больше аргументов в пользу юго-западного и западного происхождения этих миграций, и, конечно, важно выяснить этническую принадлежность пришельцев и их соотношение друг с другом. Надеемся, что статья инициирует не только обсуждение проблем хронологии поволжско-приуральских древностей I–V вв. н.э., но и других общепроисторических оценок, основанных на материалах памятников этого края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до. н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. серии Г.Е. Афанасьев и Ф. Дайм при участии Д. Кидда. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
2. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
3. *Арма́тынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 26–46.
4. *Ахмедов И.Р., Воронцов А.М.* Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 9–54.
5. *Бажан И.А., Васкул И.О.* О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1988. С. 76–89.
6. *Бажан И.А., Щукин М.Б.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30 / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Искусство, 1990. С. 83–96.

7. Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / МИАР. Вып. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, ТАУС, 2008. С. 284–301.
8. Безуглов С.И., Глебов В.П. Курганные погребения позднеримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 2002. С. 288–301.
9. Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
10. Белоусов В.В. Вооружение и военное дело сарматов Подонья I–IV вв. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. 246 с.
11. Бернц В.А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: б/и, 2006. С. 351–389.
12. Валиулина С.И. Стеклянная лампада из V кургана Тураевского могильника // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров / Археология Евразийских степей. Вып. 10. Казань: ИА АН РТ, 2009. С. 134–138.
13. Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 72–91.
14. Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры / МИА. № 187. М.: Наука, 1972. С. 8–49.
15. Вязов Л.А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 43–53.
16. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 468 с.
17. Габуев Т.А., Хохлова О.С. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. 2012. № 4. С. 16–25.
18. Гавритухин И.О. находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2: сб. науч. статей / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Ч. 1. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 49–67.
19. Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / Науч. ред. М.Б. Щукин. М.: Наука, 1997. 144 с.
20. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 195 с.
21. Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьаноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
22. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 7–84.
23. Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 72–80.
24. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военоначальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

25. *Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.
26. *Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX в.). Ижевск: б/и, 2010. С. 156–260.
27. *Голдина Р.Д.* Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 47–98.
28. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
29. *Голдина Р.Д.* О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 167–192.
30. *Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV–начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широкова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 203–285.
31. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
32. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
33. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
34. *Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д.* Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: б.и., 2014. С. 212–445.
35. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.
36. *Гришаков В.В.* Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.
37. Древности Урало-Казахстанских степей (красота и духовность мира вещей). Каталог выставки / Ред. Н.О. Иванова, Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 1991. 60 с.
38. *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.
39. *Зданович Г.Б., Хабдулина М.К.* Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-е Баш. гос. ун-та, 1987. С. 45–64.
40. *Зыков А.П., Ковригин А.А.* Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.

41. *Казанский М.М.* Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 299–336.
42. *Казанский М.М.* Пряжки раннесарматской традиции в Северной Евразии // *Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я.А. Шера* / Науч. ред. В.В. Бобров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 193–197.
43. *Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А.* Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // *Петербургский археологический вестник*. Вып. 2. СПб: Ойум, 1992. С. 113–126.
44. *Киртичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.
45. *Кунина Н.З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб: Арт, 1997. 360 с.
46. *Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовское костыше. Материалы раскопок 1995-1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог. Вып. 4. Пермь: б/и, 1999. 58 с., илл.
47. *Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.
48. *Мажитов Н.А.* Ранние памятники бахмутинской культуры // *ВАУ*. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 65–71.
49. *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону* / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
50. *Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
51. *Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / *МИАР*. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
52. *Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа – ранний этап именниковской культуры // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.
53. *Мельничук А.Ф., Соболева Н.В.* Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // *Приуралье в древности и средние века* / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 99–109.
54. *Мокрушин В.П.* Поселения предломоватовского периода в Пермском Прикамье // *Коми-пермяки и финно-угорский мир*. Материалы I Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 1997. С. 39–142.
55. *Мошкова М.Г., Демиденко С.В.* Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий* / *МИАР*. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.
56. *Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
57. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.
58. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–V вв. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.
59. *Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // *Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья*. КСИА. № 158. М.: Наука, 1979. С. 71–79.

60. *Перевоицков С.Е., Кондрашин В.В.* Кузнечное производство населения Среднего Прикамья в I–V вв. н.э. // Исследования материалов Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. 4. Ижевск, 2017. В печати.
61. *Перевоицков С.Е., Малых О.О.* К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 18–24.
62. *Перевоицков С.Е., Пастушенко И.Ю.* «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность. Мат-лы науч.-практ. конф. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Маркин. Ижевск, 2006. С. 105–121.
63. *Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М.* Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.
64. *Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 135–140.
65. *Семькин Ю.А.* Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара, 1993. С. 192–200.
66. *Спицын А.А.* Гляденовское костыще // Записки русского археологического общества. Т. XII. Вып. 1, 2. СПб., 1901. С. 228–269.
67. *Старостин П.Н.* Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. № 1. С. 251–255.
68. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.
69. *Старостин П.Н., Хомутова Л.С.* Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3. С. 208–217.
70. *Сташенков Д.А.* О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 111–125.
71. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Мушгинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.
72. *Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Metallurgia, 1997. 320 с.
73. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
74. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 7–187.
75. *Храпунов И.Н.* Оружие из могильника Нейзац // Terra barbarica / Monumenta archaeologica barbarica. Series Gemina. Т. II. Warszawa, 2010. С. 535–555.
76. *Яблонский Л.Т.* Новые материалы к проблеме формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья // ВАУ. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 194–208.
77. *Barkoczi L.* Spätromische glasbecher nit aufgelegten Nuppen aus Pannonien // Folia Archaeologica. Т. XXIII. Budapest: Népművelési propaganda iroda, 1972. С. 69–94.
78. *Gening V.F.* Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. Eurasia Antiqua. Band 1. Mainz am Rhein, 1995. S. 265–326.

Информация об авторе:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Бернц Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе 1 категории, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

CHRONOLOGY OF 3RD – 5TH CENTURIES MALE GRAVES FROM THE TARASOVO BURIAL GROUND

R.D. Goldina, V.A. Bernts

The article focuses on the chronological attribution of male graves from the late Mazunino stage of the Tarasovo burial ground in the Middle Kama area and is sequel to an earlier article about dating of the early Nyrgynda stage (1st – 2nd centuries) of the same site.

We used here three main methods of research: formal typology, cultural stratigraphy and the nearest neighbor method. Eighty-six male graves of the 3rd – 5th centuries have been analyzed, of which we singled out 12 groups: 1st half of the 3rd century AD (group 1), 2nd half of the 3rd century AD (group 2), the 3rd century (group 3); 1st half of the 4th century (group 4); 2nd half of the 3rd – 4th century (group 5); 3rd quarter of the 4th century (group 6); 4th quarter of the 4th century (group 7); 2nd half of the 4th century (group 8); 2nd half of the 4th – 5th century (group 9); the 4th – 5th centuries (group 10); 2nd half of the 3rd – 5th centuries (group 11) and the 3rd – 5th centuries (group 12). In this article we consider the last 6 groups; the first six were examined in our previous paper. The analysis of this evidence allowed distinguishing several migration waves of militarized foreign cultural groups to the Lower and Middle Kama and the neighboring Volga region in the second half of the 3rd – 4th centuries, whose origins, characteristics and importance are still to be studied. Artifacts from the 3rd – 5th centuries female graves of the Tarasovo burial ground will be studied separately.

Keywords: archaeology, Middle Kama, 1st – 4th centuries, Tarasovo burial ground, cultural stratigraphy, chronology, Mazunino stage, Cheganda culture, Pyany Bor culture-historical community, migrations.

REFERENCES

1. Abramova, M. P. 1993. *Tsentrāl'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.) (Central Ciscaucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD))*. Series: Afanas'ev, G. E., Daim, F. with J. Kidd's contribution (series Chief Editors). *Arkheologiiia epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia = Russian monographs in migration-period and medieval archaeology* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
3. Armatynskaia, O. V. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov: Udmurt State University, 26–46 (in Russian).
4. Akhmedov, I. R., Vorontsov, A. M. 2012. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 9–54 (in Russian).
5. Bazhan, I. A., Vaskul, I. O. 1988. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Pamiatniki epokhi kamnia i metalla Severnogo Priural'ia (Stone and Metal Age Sites from Northern Ural*

The first part of this paper was published in *Volga River Region Archaeology*, 2016 no. 3(17), p. 17–58. The figures are numbered continuously: figures 1–9 can be found in part I.

Region). Series: Materials on the Archaeology of European Northeast 11. Syktyvkar, 76–89 (in Russian).

6. Bazhan, I. A., Shchukin, M. B. 1990. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 30. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 83–96 (in Russian).

7. Bezuglov, S. I. 2008. In Moshkova, M. G. (ed.). *Problemy sovremennoi arkhologii: Sbornik pamiati V. A. Bashilova (Issues of Contemporary Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V. A. Bashilov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Taus” Publ., 284–301 (in Russian).

8. Bezuglov, S. I., Glebov, V. P. 2002. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 18. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 288–301 (in Russian).

9. Bezuglov, S. I., Kopylov, V. P. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 171–183 (in Russian).

10. Belousov, V. V. 2010. *Vooruzhenie i voennoe delo sarmatov Podon'ia I–IV vv. n.e. (Armament and Warfare of the Sarmatians in the Don River Basin in 1st – 4th Centuries AD)*. PhD Diss. Voronezh (in Russian).

11. Bernts, V. A. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 351–389 (in Russian).

12. Valiulina, S. I. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniia i srednevekovaia arkhologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 134–138 (in Russian).

13. Vasiutkin, S. M. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 72–91 (in Russian).

14. Voznesenskaia, G. A. 1972. In Bartseva, T. B., Voznesenskaia, G. A., Chernykh, E. N. *Metall cherniakhovskoi kul'tury (Metal of the Chernyakhov Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology) 187. Moscow: “Nauka” Publ., 8–49 (in Russian).

15. Vyazov, L. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkhologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkhelogicheskogo krugha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: “IaZ” Publ, 43–53 (in Russian).

16. Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. 2009. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Taus” Publ. (in Russian).

17. Gabuev, T. A., Khokhlova, O. S. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 16–25 (in Russian).

18. Gavritukhin, I. O. 2010. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vlianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 49–67 (in Russian).

19. Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologiia epokhi «gotikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the Epoch of “Gothic Raids” (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: “Nauka” Publ., (in Russian).

20. Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azeline Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on*

History of the Vyatka Area in the Great Migrations). Series: *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).

21. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu*. Ch. II. *Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.)* (*History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD)*) In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

22. Gening, V. F. 1967. In Medvedev A. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).

23. Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 2. Sverdlovsk, 72–80 (in Russian).

24. Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia* (*From the Volga-Kama Archaeology*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 55–108 (in Russian).

25. Gening, V. F. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 158, 96–106 (in Russian).

26. Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010. In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.)* (*Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries)*). Izhevsk: s. ed., 156–260 (in Russian).

27. Goldina, R. D. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka* (*Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages*). Ustinov: Udmurt State University, 47–98 (in Russian).

28. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e* (*The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area*). Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

29. Goldina, R. D. 1991. In Ivanova, M. G. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii lesnoi polosy Vostochnoi Evropy* (*Studies on Medieval Archaeology of the East-European Forest Belt*). Izhevsk: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 167–192 (in Russian).

30. Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia* (*Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution*). Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).

31. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame* (*Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region*) II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

32. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast')* (*Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*). Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

33. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya* (*Volga River Region Archaeology*) 15 (1), 41–89 (in Russian).

34. Goldina, R. D., Leshchinskaia, N. A., Makarov, L. D. 2014. In Leshchinskaia, N. A. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.)* (*Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD*). Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University, 212–445 (in Russian).

35. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame* (*Funerary Rite in the Tarasovo Burial*

Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area) III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

36. Grishakov, V. V. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 82–137 (in Russian).

37. Ivanova, N. O., Zdanovich, G. B. (eds.). 1991. *Drevnosti Uralo-Kazakhstanskikh stepei (krasota i dukhovnost' mira veshchei). Katalog vystavki (Antiquities of the Ural and Kazakhstan Steppes: Beauty and Spirituality of the World of Things. Catalogue of Exhibition)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).

38. Zav'ialov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2009. *Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii (History of Finno-Ugric Peoples' Smithery in the Volga Basin and Cis-Urals Region: to the Problem of Intercultural Interactions)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

39. Zdanovich, G. B., Khabdulina, M. K. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 45–64 (in Russian).

40. Zykov, A. P., Kovrigin, A. A. 2008. *Shchit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Shield and Sword of Motherland: the Urals Weapons from the Earliest Time to Present Day)*. Yekaterinburg: "Raritet" Ltd. Publ. (in Russian).

41. Kazanskii, M. M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 299–336 (in Russian).

42. Kazanskii, M. M. 2002. In Bobrov, V. V. (ed.). *Pervobytnaia arkheologiya. Chelovek i iskusstvo (Prehistoric Archaeology: Humans and Art)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 193–197 (in Russian).

43. Kargapol'tsev, S. Yu., Bazhan, I. A. 1992. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 2. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 113–126 (in Russian).

44. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

45. Kunina, N. Z. 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha (Ancient Glass in the Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: "ARS" Publ. (in Russian).

46. Lepikhin, A. N., Mel'nichuk, A. F. 1999. *Gliadenovskoe kostishche. Materialy raskopok 1995–1997 gg. iz sobraniia Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia: katalog (Glyadenovo Kostishche (concentration of bones): materials of 1995–1997 excavations from the collection of the Perm regional museum of local studies. Catalogue)* 4. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies (in Russian).

47. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

48. Mazhitov, N. A. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 2. Sverdlovsk, 765–771 (in Russian).

49. Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

50. Malashev, V. Yu., Gadzhiev, I. S., Il'iukov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.e. (The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd–5th Centuries. AD)*. Makhachkala: “Mavraev” Publ. (in Russian).
51. Malashev, V. Yu., Iablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
52. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 87–96 (in Russian).
53. Mel'nichuk, A. F., Soboleva, N. V. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov: Udmurt State University, 99–109 (in Russian).
54. Mokrushin, V. P. 1997. Poseleniia predlomovatovskogo perioda v Permskom Prikam'ie. In Savelev, A. S. (comp.), Kokoleva, V. N., Kosova, L. A. (eds.). *Komi-permiaki i finno-ugorskii mir (Komi-Permyaks and the Finno-Ugric World)*. Kudymkar: “Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 39–142 (in Russian).
55. Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: “Taus” Publ., 254–261 (in Russian).
56. Ovsianikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
57. Ostanina Vol. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
58. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tiium-Tiium (Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovaniia (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
59. Oshibkina, S. V. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 158. Moscow: “Nauka” Publ., 71–79 (in Russian).
60. Perevoshchikov, S. E., Kondrashin, V. V. 2017. In *Issledovaniia materialov Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Studies of Materials of the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area)* (4). Izhevsk. In print (in Russian).
61. Perevoshchikov, S. E., Malykh, O. O. 2014. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Chelyabinsk State University)* 351 (22). *Istoriia (History)* 61, 18–24 (in Russian).
62. Perevoshchikov, S. E., Pastushenko, I. Yu. 2006. In Markin A. N. (ed.). *Rossiiskie nemtsy: istoriia i sovremennost' (Russian Germans: History and Present Day)* 5. Izhevsk: Udmurt State University, 105–121 (in Russian).
63. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 24 (1), 71–82 (in Russian).
64. Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's*

Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology). Moscow: State Historical Museum, 135–140 (in Russian).

65. Semykin, Yu. A. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara, 192–200 (in Russian).

66. Spitsyn, A. A. 1901. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* XII (1, 2). Saint Petersburg, 228–269 (in Russian).

67. Starostin, P. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 251–255 (in Russian).

68. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

69. Starostin, P. N., Khomutova, L.S. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 208–217 (in Russian).

70. Stashenkov, D. A. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XV. Samara: "Ofort" Publ., 111–125 (in Russian).

71. Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Iusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area during the Great Migrations: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

72. Terekhova, N. N., Rozanova, L. S., Zav'ialov, V. I., Tolmacheva, M. M. 1997. *Ocherki po istorii drevnei zhelezoobrabotki v Vostochnoi Evrope (Sketches on History of the Ancient Iron Processing in Eastern Europe)*. Moscow: "Metallurgiya" Publ. (in Russian).

73. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

74. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: *Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

75. Khrapunov, I. N. 2010. In *Terra barbarica. Monumenta archaeologica barbarica*. Series *Gemina*. Vol. II. Warszawa, 535–555 (in Russian).

76. Yablonsky, L. T. 2008. In *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 25. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 194–208 (in Russian).

77. Barkoczi, L. 1972. Spätromische Glasbecher mit aufgelegten Nuppen aus Pannonien. In *Folia Archaeologica XXIII*. Budapest: Népművelési propaganda iroda, 69–94.

78. Gening, V. F. 1995. *Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland*. Eurasia Antiqua. Band 1. Mainz am Rhein, 265–326.

About the Authors:

Goldina Rimma D., Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Bernts Veronika A., Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 06.10.2016 г.